

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

УДК 327.2 + 325.36 + 658.512

А. С. Бурнасов
Ю. Ю. Ковалев
А. В. Степанов

ПАРАДИГМА АСИММЕТРИЧНОГО ОБЩЕСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ В СИСТЕМЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ «СЕВЕР – ЮГ»

Статья посвящена осмыслению возможностей национального регионального развития в условиях глобализации. Показаны особенности «западных» и «восточных» стратегий индустриализации. Анализируются различия в уровне развития между развитыми и развивающимися странами. Особое внимание уделено оценке роли технологий и инноваций в конкурентной борьбе стран мира. Оценивается влияние социальных, экологических и психологических факторов на развитие государств.

Ключевые слова: развитие, инновации, технологический процесс, центр, периферия, асимметрия, концепция устойчивого развития.

Комплексность и глобальность проблем, охвативших мир в начале XXI в., кратко обозначенных отдельными авторами словом «мультикризис» [7, 47], ставят перед мировым сообществом вопрос о необходимости переосмысления современных доктрин социально-экономического развития. Действительно, беспомощность национальных правительств в преодолении затянувшегося в странах «центра» финансово-экономического кризиса, социальная нестабильность и усиление внутренних и внешних конфликтов в полупериферии и периферии мирового хозяйства указывают на актуальность поиска новых путей. Неразрешенными остаются проблемы глобального неравенства: углубляющаяся асимметрия между странами «центра» и «периферии», усиление диспропорций развития внутри стран, колоссальные экологические и связанные с ними гуманитарные проблемы. Постепенно приходит понимание того, что перечисленные

проблемы носят системный характер и тесно взаимосвязаны. Концентрация власти в одних структурах системы (например, финансовой) порождает дисбаланс и нарушение равновесия в других, что в отсутствие глобального управления приводит к негативным эффектам в системе в целом. Также принцип простого, «одномерного» решения региональных проблем зарекомендовал себя в долгосрочной перспективе как неэффективный. Нужны новые механизмы контроля и управления, с другой стороны, есть ли необходимость в проведении реформ и внедрении социальных (вместе с технологическими) инноваций во всех сферах общества. Время для этого ограничено.

Опубликованный в ноябре 2012 г. Всемирным банком доклад об экологических последствиях глобального потепления в деталях демонстрирует картину ближайшего будущего человечества и национальных государств при сохранении современного экономического, социального, правового статуса кво. Невиданные до сих пор природно-социальные катаклизмы: стихийные бедствия, неурожаи, поляризация доходов населения, новые региональные военные конфликты — обратная сторона медали существующего мирового развития. Всемирный банк призывает страны к радикальным мерам в отношении эмиссий парниковых газов, к скорейшему переходу национальных хозяйств к так называемой «зеленой экономике». Но будет ли данный шаг альтернативой современному развитию? Не будет ли он тем же «одномерным» принципом решения комплексных проблем? Однако сам факт, что такие международные структуры, как Всемирный банк, постепенно обращают внимание на проблемы, связанные с материальным ростом, указывает на то, что и в них происходит трансформация парадигмы развития. Это парадигма, базирующаяся на безграничном материальном росте и потреблении, достижении материального благосостояния, иногда в ущерб экологии, социальным отношениям, здоровью, была доминирующей в послевоенном международном общественно-политическом дискурсе.

Сегодня возрастает понимание, что экономический рост, основанный на традиционных факторах — индустриализации и безграничном использовании природных ресурсов, глобальной конкуренции, является тупиковой ветвью развития, что в конце концов данная парадигма приведет мир не ко всеобщему благосостоянию, а к неизбежной социальной и экологической катастрофе.

В отдельных политических дискурсах ставятся под вопрос даже сами процессы роста и развития. В центр дискуссий перемещается возможность развития без экономического роста. Подвергаются критике устоявшиеся представления о благосостоянии наций, потребностях людей, качестве жизни, а также предлагаются новые концепции принятия политических решений, ведения хозяйства, образа жизни населения [10]. Отдельные политические партии и общественные движения в странах Запада свидетельствуют о формировании общества «постразвития» и «построста» (postdevelopment). В ряде стран формируются альтернативные социальные практики, гарантирующие нулевой рост и экологический стиль жизни. По-новому также переосмысливаются вопросы управления и принятия решений в территориальных системах. В отдельных регионах (например, во Фрайбурге, ФРГ) возникают новые гетеротопы (реализованные в пространстве утопии по М. Фуко, 1967) [8, 317], готовые стать

наглядной альтернативой существующим социальным и хозяйственным формам. Смогут ли данные модели получить широкое признание и распространение или они так и останутся локальными гетеротопами? Возможна ли их «диффузия» в другие территориальные системы? По нашему мнению, это во многом зависит от дальнейшей эволюции современной парадигмы развития.

Формирование идеологии «развития» и технологический прогресс

Общепризнанного определения понятия «развитие» до сих пор не существует. Масштабы его использования варьируют от повседневных банальностей до описания сложных процессов в естественных, социальных, технических и гуманитарных науках. По-видимому, первоначально термин «развитие» стал использоваться в греческой философии (стоицизм) и был неразрывно связан с феноменами изменения, движения, метаморфозы. В дальнейшем он нашел широкое применение в средневековой теологии. Термин «развитие», по мнению С. Яки и Дж. Нидэма, определяет миропонимание иудеохристианской религии. В отличие от иных религий и этических систем в иудеохристианской религии время являлось сугубо линейным, а не циклическим (как в индийской и китайской философии). Для понимания мира это означало, что человечество движется в необратимом направлении (к царству небесному), ему свойствен прогресс и мир доступен для рационального изучения и объяснения, что заложило основы современной науки [1]. В новое время термин «развитие» стал широко применяться в биологии (К. Линней, Ч. Дарвин), нашел свое место в философских системах (Г. В. Гегель). С этого времени в Европе начинает складываться представление о «развитости» и «недоразвитости». Понятие «развитость» стало ассоциироваться прежде всего с технологическим развитием и ростом материального благосостояния. Масштабы производства товаров и их потребление (конзум) приобретают роль главных индикаторов уровня развития территорий. Этому способствовал промышленный переворот, в результате которого производство и потребление стали носить массовый характер.

Индустриализация, основанная на технологиях и науке, росте капиталистических отношений, торговли, транспорте, способствовала не только увеличению жизненного уровня населения, изменению всей общественной структуры, но и рождению определенного типа массового мировоззрения — мировоззрения, поставившего в центр факторов общественного развития технологии и инновации. Вера в технологический прогресс, ведущий человечество в новое, безопасное и рациональное технотронное общество, охватила как просвещенную элиту, так и другие слои населения. В течение жизни одного поколения произошли кардинальные технологические изменения в транспорте, промышленном производстве, архитектуре и пр. Люди, почувствовав улучшение своих материальных условий, увидели в технологиях универсальный инструмент решения всех проблем.

Прогрессивно-технологическое мировоззрение заключается в том, что мир движется в необратимом направлении в сторону лучшей жизни. Развитие линейно. Источник изменений — технологические инновации. Более прогрессивные

инновации утверждаются в жизни путем «творческого разрушения» предыдущих технологий и производств (Й. Шумпетер). Новый виток технологического развития делает жизнь человека еще более комфортной, легкой, свободной. И так до наступления «рая на Земле». Прогрессивное мышление имело также одну особенность — оно видело мир иерархичным: различные страны мира находятся на разных ступенях развития, но на одной вертикальной лестнице на пути в «светлое» будущее. Одни регионы мира живут в традиционном обществе, другие — в модерне, третьи переходят (с сегодняшних позиций) в постмодерн. Путь для всех един. Рано или поздно все страны пройдут через те же этапы развития. Мышление остается и в настоящий момент доминирующим в дискурсе глобального развития.

К концу XIX в. Европа стала центром и гегемоном мирового развития. Технологические изменения оказали глубокое психологическое воздействие на население отдельных стран. Происходит рост националистических настроений и расовых предрассудков. Крупные государства Европы вступают в фазу империализма. Национализм порождает чувство исключительности и превосходства социально-экономической и культурной моделей отдельных народов Европы. Путешествия в другие страны, доклады и научные труды географов, этнографов, политических деятелей закрепляют расистские, «центро-периферические» представления как на глобальном, так и на региональном, страновом уровне. Этому способствовали и другие пути и направления. Например, в конце XIX — начале XX в. в Европе были особенно популярны так называемые «выставки народов», в которых устраивалась живая демонстрация неевропейских народов — отдельных представителей рас и этносов мира. Прообраз современного зоопарка, а именно «человеческий зоопарк», служил не столько просветительским целям, сколько позволял наглядно убедиться в существовании «чуждого предмодерна», укрепляя сложившиеся стереотипы в иерархичности развития и аргументацию европейского геодетерминизма [14, 69].

Ментальные границы в то время разделяли «цивилизацию» и «дикость». Европа стояла в центре цивилизационного развития, весь другой мир находился на различных этапах пути в направлении к «цивилизации». Культурный шовинизм, выражающийся в более мягкой форме в идеологии европоцентризма, стал оправдательным аргументом для колониальной экспансии европейских государств. Колониализм, как фактор «окультуривания» отстающих народов, получил глобальное распространение. Лишь внедрение европейских форм жизни (ее политических, экономических, социальных и культурных институтов) сможет поставить неевропейские страны на более высокую ступень развития. Жизненный уровень в странах-метрополиях стал стандартом для социального, экономического и культурного роста подчиненных государств. С этого момента начинает формироваться политика «навязываемого сверху» развития. Ее проводниками становятся сами колониальные державы. В колониях учреждаются юридические, экономические и социальные институты европейских стран, имплантируются различные формы европейской культуры. Все это происходит одновременно с беспощадной эксплуатацией населения и природных ресурсов колоний в интересах европейских государств. Последствия колонизации известны.

Однако остается вопрос о развитии подчиненных территорий. Изменился ли уровень жизни населения за период европейского правления? Известный американский социолог И. Валлерстайн отвечает на этот вопрос: «Уровень жизни населения неевропейских стран не только не вырос в колониальный период, но даже сократился по сравнению с уровнем жизни их предков» [18, 173].

С распадом мировой колониальной системы проблема развития отстающих регионов переходит в новую плоскость. В этот период становится очевидным, что не только Запад заинтересован в «развитии» отстающих государств, но и новый глобальный игрок международных отношений — Советский Союз. Наступает соперничество двух мировых держав за сферы влияния в мире. В этот период происходит рождение идеологии развития. Свои очертания она получила в доктрине американского президента Г. Трумэна: освободившиеся молодые и прочие отстающие в развитии государства для решения насущных проблем должны ориентироваться в своем развитии на США. Запад должен помогать развивающимся странам. Для этого необходимо поддерживать внедрение его институциональных, экономических, политических и социальных моделей и стремление копировать их. В своей речи от 20 января 1949 г. он подчеркивал важность технологий, науки и индустриализации в преодолении экономической отсталости. «Более половины населения мира живут в условиях, приближенных к нищете. Я считаю, что мы должны сделать доступными для миролюбивых людей использование нашего багажа технических знаний для того, чтобы помочь им реализовать их стремления к лучшей жизни. Создание производства является ключом к процветанию и миру. И ключ к увеличению производства — более обширное и строгое применение современных научно-технических знаний» [6, 71].

Г. Трумэн опасался, что, не приняв решительных мер для борьбы с хозяйственным отставанием в развивающихся государствах, эти страны уйдут из-под контроля США. Развивающиеся страны должны были оставаться в рыночной системе, поэтому само развитие, включавшее разнообразную помощь развивающимся странам, носило чисто идеологический характер. По инициативе США был создан международный аппарат по производству и внедрению разработанных концепций развития в социально-экономические структуры развивающихся стран (ООН, Агентства по развитию, Всемирный банк). Целая «армия» разнообразных экспертов в самых разнообразных областях (экономика, демография, региональное планирование и т. д.) была направлена на изменение ситуации в развивающихся странах. Новый дискурс «развития» был схож с колониальным: только на основе западной модели производства и внедрения знаний (технологий) возможно развитие. Доминирование западных представлений о развитии сделало практически невозможным и альтернативные пути. Решение внутренних проблем стран третьего мира (в большинстве случаев наследство колониализма) было отдано в руки специалистам из развитых стран, которые, по их собственному мнению, обладали лучшими знаниями, лучшей технологией, т. е. находились на более высокой ступени развития. Населению оставалось лишь следовать рекомендациям экспертов. У него даже не было шансов сформулировать свои интересы на собственном языке [5, 265].

Концепция регионального развития, основанная на технологиях, экономическом росте, промышленном производстве, разделялась также Советским Союзом. Экономический рост возможен только через индустриализацию и внедрение технологий. Различия между «западными» и «восточными» стратегиями индустриализации состояли лишь в методах ее реализации в развивающихся странах. Советский Союз, так же как и Запад, имел твердое убеждение, что передача технологий, подготовка квалифицированных трудовых ресурсов, обеспечение инвестиционным капиталом решит проблемы отставания. Для этого он бесплатно обучал в своих учебных заведениях студентов из стран Африки, Азии, Латинской Америки; предоставлял льготные кредиты для строительства новых фабрик, заводов; направлял советских специалистов в различные сферы хозяйства развивающихся стран. В отличие от США, где в доктрине развития важную роль играл частный американский капитал, советская модель видела гарантом развития лишь государство.

В конце 60-х гг. XX в., несмотря на то что многие страны провели индустриализацию, утвердили западную модель развития, проблемы бедности, медицинского обслуживания, образования населения не были решены. Лишь малая доля жителей отстающих государств (экономическая и правящая национальные элиты) смогли достичь уровня жизни западных стран, т. е. могли себе позволить довести уровень потребления товаров и услуг до уровня Европы и США. Подавляющая часть населения не получила от политики развития практически ничего. Доминирующее большинство видело в деятельности западных (международных) организаций политику вмешательства во внутренние дела их государств и воспринимало ее как новую форму колониализма. Транснациональные компании, с их инвестиционным капиталом, считались уже не фактором развития территорий, а скорее его тормозом. Кроме того, проводимая национальным и международным капиталом индустриализация породила ряд новых проблем (социальные, политические, экологические), которые требовали скорейшего решения. Но решить их можно было лишь на широком общественном базисе. Однако нестабильная социально-экономическая обстановка, нарастание недовольства населения проводимой экономической политикой, страх элиты потерять свои преимущества приводили во многих странах к военным путчам и захвату власти антидемократическими структурами. При этом западная экономическая модель продолжала и дальше активно внедряться при полном отсутствии западной политической модели. Лишь в таких условиях возможно было дальнейшее продвижение многих развивающихся стран по пути технотронного прогресса (Чили, 1973–1989; Бразилия, 1964–1985 и т. д.).

В этот же период начинаются дискуссии о нелинейности развития, о множественности путей прогресса, о роли исторических, географических и социально-культурных факторов в развитии. Асимметрия в развитии просматривалась уже не как закономерный этап территориальной эволюции, а как следствие сложившихся воедино многих внешних и внутренних факторов. Популярной становится теория зависимости, требующая тесной региональной кооперации и нового глобального экономического порядка. В 1976 г. Римский клуб публикует очередной доклад о глобальном развитии (Доклад Рио). В нем

подчеркивается отход от одномерного технотронного понимания развития, базирующегося на индустриализации и экономическом росте. В докладе говорится, что составными частями «развития» необходимо считать равенство, свободу, демократию, партиципацию, солидарность, культурное разнообразие и здоровую окружающую среду [6, 76]. В 1970-х гг. ЮНЕСКО определило развитие как «процесс, который охватывает все, что приводит к благу общества и расцвету его культуры» [Там же, 77].

В конце 1980-х гг. концепция развития теряет характер идеологии и отодвигается на «окраину» общественно-политического дискурса. Неолиберализм становится господствующей идеологией. Государство все больше теряет способность к управлению внутренними социальными и экономическими процессами. Дерегуляция, глобальный рынок, международное разделение труда, поиск в нем своей экономической ниши — наиболее актуальные лозунги политики неолиберализма. Вместо идеологии развития приходят «диктатура» рынка, безальтернативное капиталистическое хозяйство и адаптация государств мира к его правилам игры.

Пространственная асимметрия и инновационная парадигма

Несмотря на проводимую политику модернизации экономики развивающихся стран и оказание им, по линии межгосударственного сотрудничества, международных организаций (ООН, Мировой банк, МВФ), технологической, финансовой, экспертной и прочей помощи, различия в уровне развития между развитыми и развивающимися странами остаются огромными. На макротерриториальном уровне диспаритет в социально-экономическом развитии очевиден при сравнении индикаторов развития (доходы на душу населения, детская смертность, продолжительность жизни и др.). Также и на внутригосударственном, региональном уровне как в развивающихся, так и в развитых странах различия в «развитии» остаются значительными.

Гетерогенность пространственных макроструктур находит свое выражение в моделях «трехчленной структуры мирового хозяйства» (Н. С. Мироненко) или трех «телах» современного мира (Н. Болц): «Существуют три части (тела) мирового сообщества. Большая часть мирового сообщества живет в традиционном обществе, под ними подразумевается т. н. третий мир, благодаря которому мы сталкиваемся с постоянными проблемами миграции и фундаментализма. Всюду, где национальные государства еще пытаются управлять процессами с помощью налоговой политики, люди живут в модерне. И там, где формируется общество знаний, где глобальные игроки задают тон экономике и где из земли вырастают “smart cities”, проявляется мир постмодерна» [4, 415].

Несмотря на экономическую динамику в развивающихся странах за последние 60 лет, «границы» между «телами», макроструктурами мирового хозяйства остаются неизменными. Лишь небольшой группе развивающихся стран удалось перейти из состояния традиционного общества в постмодерн (новые индустриальные страны первого поколения). Социум большинства развивающихся стран до сих пор пребывает в состоянии предмодерна, состояния уже не совсем

традиционного общества, так как глобальные механизмы в виде экономических, культурных, социальных воздействий изменили традиционные структуры социальной системы, создав в них, например, ряд западных конструкторов (медицинское обслуживание, образование, армии, полиция, элиты), которые, однако, получили специфическое развитие в традиционном региональном социокультурном контексте. Кроме того, проводимая модернизация, целью которой было достижение уровня развития стран «центра», а главным индикатором — экономический рост, выявила и в этих странах слабые места асимметричного территориального развития, вертикального расслоения населения, а также ряд других проблем (экологические, социальные, политические). Концентрируясь лишь в отдельных регионах (крупных городах), экономический рост привел к поляризации регионального развития внутри этих государств, что проявилось в возрастании диспаритетов среди регионов и, как следствие, в усилении внутрирегиональных проблем, таких как безработица, отток сельского населения, деградация инфраструктуры и т. д.

Дивергенция в уровне социального и экономического развития регионов наблюдается и в развивающихся, и в развитых странах. Во многих из них глобализация и неолиберальная парадигма развития способствовали углублению неравенства в доходах населения и их жизненном уровне. «Центр» и «периферию» не разделяют, как это было раньше, десятки тысяч километров земного пространства. В современном мире они соседствуют друг с другом, и их разделяет порой лишь ширина проезжей улицы. Особенно в крупных городах наблюдаются существенные различия в уровне жизни населения. Индийский экономист С. Мета пишет по этому поводу: «Первый и третий мир не разделены теперь на два противоположных крупных блока. На нашей планете “Север” и “Юг” лежат плотно друг к другу, сталкиваясь друг с другом внутри одного и того же города. В Бомбее есть люди, которые настолько богаты, что пользуются прачечными Парижа. И наоборот, средняя продолжительность жизни жителя Гарлема — ниже черты жителя Бангладеша» [11, 154].

Причины неравномерного развития и «провала» политики развития развитых государств имеют множество интерпретаций. Как правило, подчеркиваются специфические факторы развивающихся стран, «мешающих» развитию: традиционное поведение населения, недостаточная рационализация и секуляризация социума, низкая вертикальная и горизонтальная мобильность, трайбализм, массовая апатия и инертность мышления. С экономической точки зрения — технологическая отсталость, низкая капитализация предприятий, низкая производительность труда. Самир Амин говорит, что технологический разрыв между странами «центра» и «периферии» не уменьшился, а постоянно возрастает [6, 46]. Поэтому необходимо, как и прежде, стимулировать развитие технологий в развивающихся странах. Но каких технологий? И к чему это приведет?

Примеров амбивалентного технологического развития территорий можно привести много. Возьмем, к примеру, Китай. В 1973 г. в эссе «Критика политической экологии» немецкий автор Н. М. Энценбергер обозначает экономическую систему Китая как предельно экологическую, — она независима от мирового рынка, децентрализована и основана на традиционном для китайцев береж-

ном использовании природных ресурсов [15, 16]. Сегодня мы видим совершенно противоположную ситуацию. Китай стал глобальной заводской площадкой, снабжающей практически весь мир самой разнообразной продукцией. Хотя многие авторы подчеркивают внедрение в Китае экологических технологий, создание экоэффективных городов, закрытие ряда наиболее грязных предприятий [17, 69], развитие и рост технологического производства привели к тому, что Китай превратился в одного из крупнейших в мире потребителей мировых ресурсов и одновременно загрязнителей окружающей среды. Вследствие «ускоренного» развития Китая и других стран признаки истощения природных ресурсов и нагревания атмосферы ухудшились. Небывалый экономический рост Китая влечет за собой непредсказуемые последствия для всей глобальной экологической системы. Поэтому стоит задуматься о правильности подобного пути развития.

Таким образом, современное экономическое развитие территорий базируется, как и прежде, на технологиях. Однако технологии становятся все более наукоемкими и тесно взаимосвязаны с инновационными процессами. В настоящее время с термином «развитие» ассоциируется именно развитие инновационного высокотехнологического комплекса стран и регионов мира. «Инновации», «инновационные кластеры», «инновационные отрасли», «технополисы», «технопарки» — понятия-заклинания, находящиеся, вероятно, на вершине рейтинга наиболее употребляемых терминов в дискурсе регионального развития. Они отражают современную парадигму регионального развития, а именно — инновационную парадигму. Для успешного роста экономики необходимо генерировать новшества. Инновации, определяемые как кратковременная монополия предприятий (регионов, стран) на отдельный вид новых знаний и связанные с ними коммерческие прибыли, являются двигателями современной экономики. Монополизация новых знаний, будь то патент или международный сертификат по защите интеллектуальной собственности, позволяют инновационным компаниям достичь увеличения отдельных сегментов регионального, национального и мирового рынков, т. е. рынков, на которых у них краткосрочно не будет серьезной конкуренции и они смогут достичь наибольшей прибыли. По истечении времени на рынке начинают появляться схожие продукты (услуги) как результат невозможности долгосрочной абсолютной монополии. Утечка информации, копирование и дублирование продуктов со стороны других фирм обостряют конкурентную борьбу и уменьшают прибыль компании перволадельца. Это подталкивает предприятие на создание еще более современных, последующих инноваций, на инновационный поиск и инвестиции в НИОКР. В результате сокращается жизненный цикл продуктов, новые продукты вытесняют с рынка технологически устаревшие. Инновационная ритмика предприятий (временной диапазон между выходом на рынок первой и последующей инновации) уплотняется до предела. В результате этого растут, несмотря на вводимые технологии в энерго- и материалосбережение, потребление природных ресурсов, нагрузка на экосистемы.

Инновационная парадигма пронизывает не только всю западную технологическую систему, но также большинство структур социума, культуры этих

стран. Для функционирования инновационной экономики необходим определенный тип потребителя, интересующегося материальными новшествами и готового эти материальные новшества приобретать. Психологический аспект инновационной парадигмы состоит в том, что новшества имеют символический характер и несут информацию о социальном статусе владельца. Большинство новых продуктов и модных вещей доступны только узкому кругу потребителей, старающихся показать свою исключительность и индивидуальность. Последующая имитация делает их доступными и для других групп населения. Жажда «нового» объясняется еще тем, что современный человек видит в вещах, новинках отражение своей идентичности, позволяющей ему найти его место в мире, обществе, наполнить жизнь новым содержанием. Как пишет в своей книге проф. Т. Джексон, новые товары, имеющие символическое «наполнение», помогают современному человеку ответить на наиболее насущные вопросы — «кто я и для чего я живу», а также по-новому смоделировать себя, стимулировать его фантазии и надежды [10, 111]. В этом и заключается ненасытное материальное потребление массового западного общества, менталитет которого проникает, к сожалению, и в структуры обществ других стран. Таким образом, потребитель, требующий нового как символа его статуса и идентичности, а также экономика, стремящаяся к созданию инновационной ренты, образуют единый конгломерат и фундамент долгосрочного экономического роста. Инновационная экономика поэтому, к сожалению, базируется на возрастающей поляризации как внутри обществ (доходы, статус), так и внутри мировой системы — между различными странами и регионами.

Наращивание инновационного потенциала, инновационных ресурсов становится новым «рецептом» перехода в технотронную стадию общественного развития. Уровень развития инновационного потенциала (затраты, персонал, патенты) служит одним из главных факторов современного социально-экономического роста и развития. Страны полупериферии и периферии мирового хозяйства включились в глобальную гонку инновационного развития. В ряде развивающихся стран (например, в Индии, Бразилии, Индонезии, КНР) созданы современные центры высоких технологий. Такие города, как Бангалор, Шанхай, Калькутта, превратились в глобальные инновационные полюса роста. Главным фактором инновационности считается успешная интеграция этих регионов в глобальную систему международного разделения труда. Продукция, производящаяся здесь, не находит практически своего применения на региональном рынке, а предназначена для более выгодных рынков Европы и Америки. Также и большая часть работников сферы высоких технологий считают себя «глобальными профессионалами» — более высоким социальным классом в общественной системе региона. Это приводит как к финансовой, так и ментальной поляризации населения. Сокращается социальный капитал регионов, появляются новые социальные «границы», страдает гражданское общество. Также усиливается давление на окружающую среду.

Итак, «отстающие» страны включаются в глобальное соревнование в области высоких технологий. Они увеличивают расходы на НИОКР, тратят огромные деньги на американских профессоров, отправляют своих студентов учиться

ся за границу, заманивают иностранные компании, и все это для того, чтобы получить «толчок» в развитии, выйти на новую ступень. Во всем мире мы можем наблюдать (кроме наименее развитых стран) рост числа технологических парков, схожие программы развития научно-технического комплекса, приоритетность ряда отраслей хозяйства (ИТ-сектор, биотехнологии, нанотехнологии). Это подтверждает, что «отстающие» государства снова идут по инертному пути навязываемого развития — развития «сверху», парадигма которого формируется в глобальных центрах политической и экономической власти. Мы считаем, что для большинства развивающихся стран этот путь неприемлем не только потому, что у них нет для этого необходимых ресурсов, а потому, что одномерная технологическая инновационность и связанные с ней производственная деятельность, обслуживание, торговля будут продолжением той же стратегии развития, базирующейся на экономическом росте «любой ценой», что не остановит, а, может, даже увеличит воздействие на региональную экосистему, на сложившийся социум. Единственное решение дилеммы развития — поиск альтернатив, ведущих к балансу и гармонии между человеком, обществом и природой.

Концепция устойчивого развития

Формирование концепции устойчивого развития, ее глобального распространения и интеграции в национальные программы, является рубежом между двумя эпохами социально-экономического развития, новой вехой в эволюции понимания «развития». До 1970-х гг. проблемам окружающей среды, сбалансированному развитию общественных структур уделялось в системе международных отношений мало внимания. Организация Объединенных Наций опиралась в своих стратегиях на технологический и экономический рост [3]. В 1972 г. стокгольмская Конференция ООН по проблемам окружающей человека среды (Declaration of the United Nations Conference on the Human Environment) сформулировала цели развития общества, где наряду с экономическими стояли социальные и экологические. В докладе комиссии Брутланда в 1987 г. была выдвинута новая концепция развития как альтернатива развитию, основанному на неограниченном экономическом росте [Там же]. Особый импульс развитию в сторону устойчивости придала программа «Повестка дня на XXI в.», принятая мировым сообществом на Конференции по окружающей среде и развитию ООН в Рио-де-Жанейро в 1992 г. Под устойчивым развитием понимают «развитие, которое удовлетворяет потребности настоящего времени, не подрывая способности будущих поколений удовлетворять свои собственные потребности».

В отличие от предыдущих стратегий в устойчивом развитии речь идет о сбалансированности, комплексности развития, когда рост в одних структурах системы не наносит вреда и не осуществляется за счет других структур. Это касается как внутренних, национальных систем, так и глобальной социально-территориальной системы. Рост и динамика в развитых странах должны быть согласованы с целями развития развивающихся стран. Только в поиске компромиса, устраивающего всех, возможно сбалансированное (устойчивое) развитие.

Стратегия осуществления концепции устойчивого развития базируется на трех основных элементах: эффективном использовании имеющихся природных ресурсов, генерировании и внедрении социальных и технических инноваций и изменении образа жизни людей. Технологическое развитие является также составной частью стратегии устойчивого развития и отражено как в первом, так и во втором элементе. Процесс эффективности предусматривает, что технические возможности использования ограниченных ресурсов будут постоянно улучшаться. Инновационное развитие уже сейчас направлено на экономию природных ресурсов, энергосбережение. В дальнейшем человек создаст такие продукты и материалы, которые будут использовать минимум природных ресурсов и тем самым способствовать устойчивому развитию. На сегодняшний день данная парадигма широко внедряется в жизнь развитыми государствами Европы. Введены новые стандарты в строительство жилых и промышленных зданий, приняты строгие экологические нормы на выбросы CO₂, стимулируется развитие альтернативных источников энергии, безотходного производства и потребления.

Сбалансированное, устойчивое развитие — глобальный «вызов» для инновационного развития не только в отношении технических, но особенно в отношении нетехнических, нематериальных инноваций. Устойчивость требует всесторонних общественных реформ, и поэтому есть общественно-политический вызов. Достижение гетерогенных целей устойчивого развития возможно лишь в изменении существующих социальных практик (например, в области питания, занятости, снабжения, мобильности и др.).

Немецкий социолог Юрген Ховалд считает, что индустриальные инновации, характеризующие индустриальное общество, должны уступить место социальным инновациям, которые более приоритетны для постиндустриального общества [9]. Социальные новшества должны быть ориентированы на более «мягкое», направленное на благо людей развитие. Они должны внедряться как в экономической, так и в политической, социальной сфере. Развитие должно идти в сторону все большей экологизации и гуманизации территориальных систем. Экономический рост, способствующий поляризации доходов населения, его расслоению, наносящий вред окружающей среде, а также физическому и психическому состоянию человека, необходимо остановить.

Социальные инновации представляются как совершенно новая конфигурация сложившихся социальных практик [16, 168]. Они — результат внутренних и целенаправленных действий к вовлечению в процесс новых социальных практик в определенных сферах (полях) деятельности. В социальной экологии давно исследуется взаимосвязь между устойчивым развитием и внедрением социальных инноваций (например, новые формы мобильности населения car-sharing, производства и потребления продуктов питания). При этом в центре исследований находятся аспекты изменений в смысле отхода от традиционных путей развития. Социальная экология исходит из того, что инновации «снизу», генерируемые нестандартностью, экспериментами, новыми практиками, поиском альтернативы в заданных целях развития на локальном и региональном уровне, — лучшие предпосылки для сбалансированной эволюции территорий. Важными

асpekтами регионального развития здесь выступают готовность к самоорганизации гражданского общества, образование сетей, создание процессов партиципации и новые культурные практики в экологически релевантных областях [16, 168]. Социальная экология исходит из того, что использование новых технологических инноваций (например, использование энергии) должно идти одновременно с изменением социальных практик. Если этого не будет, то цели устойчивого развития не будут достигнуты. При этом речь идет о «целенаправленном изменении общественных нормативных систем как условия для устойчивого решения проблем» [Там же].

Нужны новые социальные практики. И прежде всего практики, касающиеся нового образа жизни людей. Этот тезис нашел свое воплощение в стратегии достаточности. Она нацелена на изменение образа жизни, потребительских привычек населения как Севера, так и Юга, может быть, на их конвергенцию. Границы роста определяют главный смысл этой стратегии. Главная задача — остановить рост потребления в развитых государствах, сделать потребление отвечающим целям устойчивого развития; в развивающихся странах — сохранить те социальные структуры, которые на протяжении тысячелетий жили в гармонии с окружающей средой. Эта задача находится в противоречии с логикой традиционного капитализма, существующего за счет неограниченного производства и потребления. Конкретными целями стратегии достаточности выступают изменение потребительских привычек (региональных, экологических продуктов и товаров); новое отношение к работе, отдыху, семейным ценностям; экологический образ жизни (экологический баланс); усиление социального капитала территорий [10]. Необходимо и дальше стимулировать развитие сферы услуг, переход от производственноориентированного к услувоориентированному обществу.

Все три стратегии устойчивости подчеркивают, что элементы территориальной социальной системы — природа, экономика и общество — должны быть в своем развитии гармонизированы и направлены в сторону идеалов устойчивого развития. Внедрение идеалов концепции устойчивого развития наиболее оптимально на региональном уровне. Немецкий социолог О. Ренн подчеркивает, что по сравнению с национальным государством у регионов то преимущество, что они имеют относительно гомогенные экономические структуры [13]. Кроме того, региональные акторы в виде региональных правительств в согласовании с населением могут осуществлять мероприятия по достижению целей устойчивого развития, которые на больших территориях или повсеместно нереализуемы. Таким образом, регионы становятся лабораториями развития, где происходят выработка оптимальных для региона решений и испытывание социальных и технических инноваций в целях устойчивого развития.

Региональная тематика развития прослеживается и в работах американского экономиста, лауреата Нобелевской премии по экономике 2009 г. Элиноры Остром. Директор Блумингтонской школы политической экономики при университете штата Индиана О. Остром много лет посвятила изучению использования ресурсов и развития в различных странах мира. На основе многочисленных примеров и данных исследователь пришла к выводу, что решение

региональных проблем возможно лишь на местах и непосредственно людьми, проживающими в регионе. Государственный сектор в лице национальных или международных служб, а также сектор экономики (национальный или глобальный) показали свою неэффективность. Решение локальных проблем должно передаваться в руки населению. Для этого необходимо формирование полицентрических структур управления.

Наличие множества независимых, автономных структур будет способствовать укреплению жизнеспособности территориальной системы и ее дальнейшему развитию. Напротив, моноцентризм в управлении, наличие универсальных решений, а также применение упрощенных моделей вредит развитию и ставит под угрозу жизнь людей в регионе. «Ни одно правительство в мире не может иметь то количество знаний, инструментов и социального капитала, необходимого для стимулирования устойчивого развития. Все эти вещи должны постоянно адаптироваться к экологическим и культурным отношениям на местах. Эта колоссальная задача. Поэтому я осмелюсь утверждать следующее: любой, какой бы ни был всесторонний каталог мероприятий по развитию, который должен найти свое применение на большой территории, обречен на провал. Более успешная стратегия состоит в том, чтобы усилить способность людей к самоорганизации и кооперации. Это именно те пользователи, которые на местах имеют наилучшее видение проблемы» [12, 34].

Автор подчеркивает, что «политика в области развития должна концентрироваться на том, чтобы поддерживать локальные общины в их самоуправлении» [Там же, 35]. Для этого Запад должен постепенно сокращать свое присутствие в этих регионах. Э. Остром разработала интересную модель комплексных адаптивных систем — комплекса взаимосвязанных структур, которые, благодаря своей автономии, но в то же время с сильной внутренней взаимосвязью, быстро приспосабливаются к изменяющимся условиям среды, создают сбалансированность в развитии. Взгляды экономиста не гарантируют наступления золотого века. Но они показывают, что там, где люди сами решают свои проблемы, где они способны к самоорганизации и самоуправлению, проблемы развития и устойчивости обретают новое измерение. Может быть, выводы Э. Остром будут способствовать переосмыслению практик и механизмов реализации разнообразных программ по развитию. Интересно также отметить, что многие выводы и идеи американского исследователя, получившего за свои научные заслуги Нобелевскую премию, перекликаются и совпадают с идеями выдающегося русского географа-революционера П. А. Кропоткина, которые он изложил более 100 лет тому назад в своей книге «Хлеб и Воля». Трагизм заключается в том, что понадобилось более века, чтобы идеи развития, основанные на таких принципах, как самоорганизация, самоуправление, коллективное принятие решений, автономия, перешли из категории «маргинальных» практически в центр мирового дискурса общественного развития.

Таким образом, парадигма развития прошла в своей эволюции отдельные фазы трансформации. На сегодняшний день она характеризуется плюрализмом взглядов, доминирующей неолиберальной экономической доктриной, основанной на глобализме и технологических инновациях, но с тенденциями пере-

осмысления и корректировки неолиберального пути развития. Важными современными темами в развитии выступают экологический кризис и разумное использование ограниченных природных ресурсов, переход в постиндустриальное общество (общество знаний), новые модели труда, жизни, отдыха людей, регионализация и глобализация, устойчивость. Само по себе понимание развития сильно изменилось. Экономические показатели теряют свою монополию на отражение жизненной ситуации населения в тех или иных регионах. Все большую роль приобретают социальные, экологические и психологические индикаторы. Развитость уже понимается как равноправие (расы, класса, пола), участие в общественной жизни, независимость и самостоятельность.

1. *Гайденко П. П.* Философско-религиозные истоки науки. М., 1997.
2. *Мироненко Н. С.* Основные черты пространственной структуры мирового хозяйства как системы // Региональные исследования. 2010. № 4. С. 3–13.
3. Организация Объединенных Наций и устойчивое развитие [Электронный ресурс]. URL: <http://www.un.org/ru/development/sustainable/background.shtml> (дата обращения: 10.12.2012).
4. *Bolz N.* Celebrity design und mudding through. Die zwei Gesichter der postmodernen Politik. Frankfurt, 2002.
5. *Escobar A.* Die Hegemonie der Entwicklung (1992) // Klassiker der Entwicklungstheorie von Modernisierung bis Postdevelopment. Wien, 2008.
6. *Fischer K.* Entwicklung und Unterentwicklung. Wien, 2004.
7. *Fotopoulos T.* Inclusive Democracy // Alternative Ökonomien, alternative Gesellschaften. Wien, 2008.
8. *Foucault M.* Von anderen Räumen (1967) // Dünne, Jörg / Günzel, Stephan (Hg.): Raumtheorie. Grundlagentexte aus Philosophie und Kulturwissenschaften. Frankfurt a/M., 2006.
9. *Howald J., Schwarz M.* Soziale Innovationen — Konzepte, Forschungsfelder und — Perspektiven // Soziale Innovationen. Auf dem Weg zu einem postindustriellen Innovationsparadigma. Wiesbaden, 2010. S. 87–109.
10. *Jackson T.* Prosperity without Growth. Economics for a Finite Planet. L., 2009. P. 183–186.
11. *Mehra S.* Metropole Bombay, Zukunft der Welt // «Le monde diplomatique». Atlas der Globalisierung. B., 2006.
12. *Ostrom E.* Was mehr wird, wenn wir teilen. Von gesellschaftlichen Wert der Gemeingüter. München, 2011.
13. *Renn O.* Leitbild Nachhaltigkeit. Eine normativ-funktionale Konzeption und ihre Umsetzung. Stuttgart, 2010.
14. *Reuber P.* Politische Geographie. Paderborn, 2012.
15. *Schmieder F.* Die Krise der Nachhaltigkeit: Zu Kritik der politischen Ökologie. Frankfurt a/M., 2010.
16. *Schwarz M., Birke M., Beerheide E.* Die Bedeutung sozialer Innovationen für eine nachhaltige Entwicklung // Soziale Innovationen. Auf dem Weg zu einem postindustriellen Innovationsparadigma. Wiesbaden, 2010.
17. *Spiegel P.* Eine humane Weltwirtschaft. Düsseldorf, 2007.
18. *Wallerstein I.* «Entwicklung: Leisten oder Illusion» (1988) // Klassiker der Entwicklungstheorie von Modernisierung bis Postdevelopment. Wien, 2008.

Рукопись поступила в редакцию 24 декабря 2012 г.